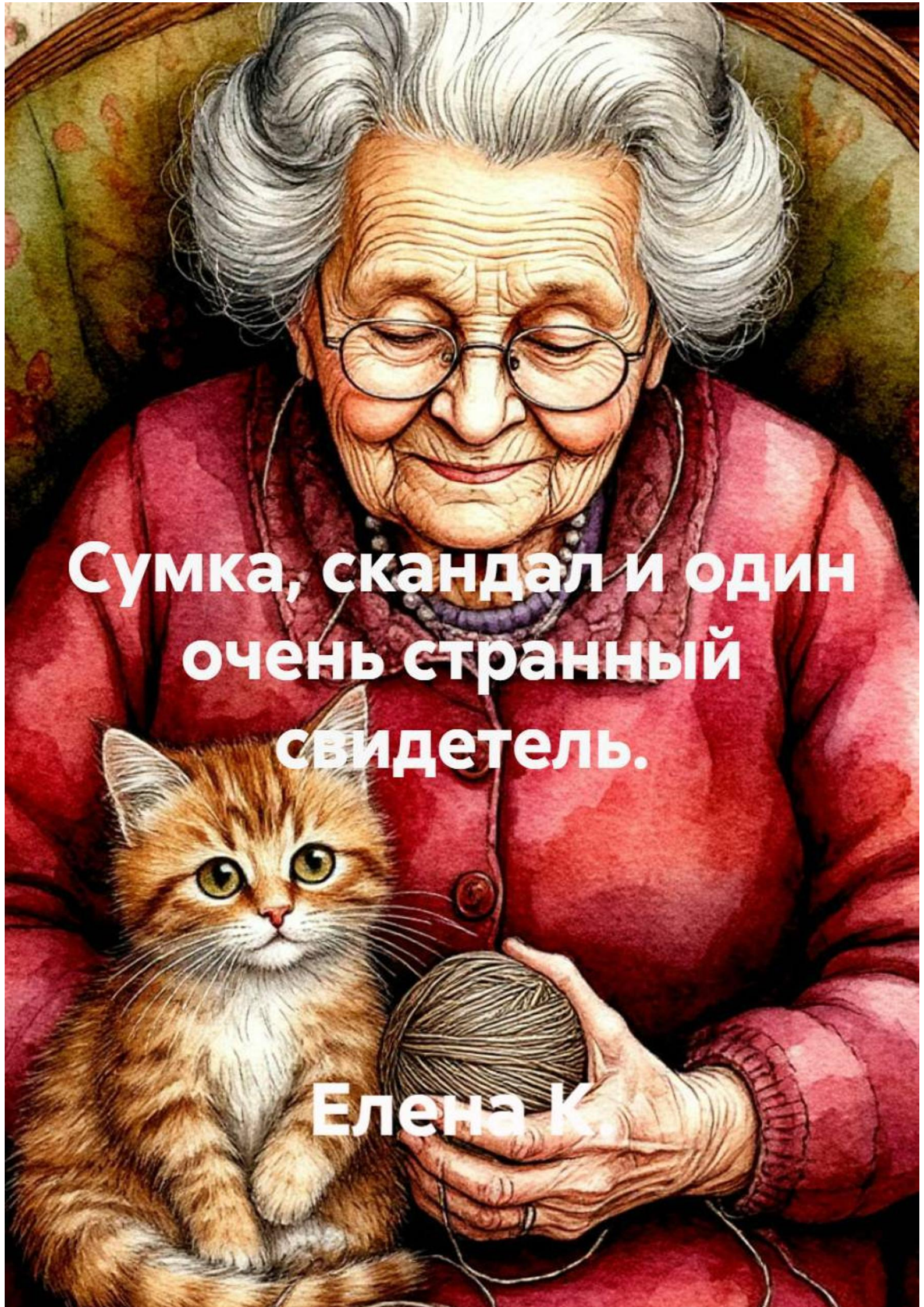

**Сумка, скандал и один
очень странный
свидетель.**

Елена К.

Елена К.

**Сумка, скандал и один
очень странный свидетель.**

«Автор»

2026

К. Е.

Сумка, скандал и один очень странный свидетель. / Е. К. —
«Автор», 2026

Уютный деревенский детектив, где каждая загадка — не просто преступление, а история о людях, которые не бросают друг друга в беде. В тихом посёлке «Рябинушка» пропадают кубки и рецепты, появляются анонимные посты, плетутся маленькие интриги — но за каждой тайной скрывается чья-то растерянность, страх или отчаянное желание быть замеченным. Распутывать дела берётся не суровый сыщик, а дружная команда местных жителей: мудрая баба Нюра, спокойный председатель, заботливая Лидия Петровна, рукастый дядя Миша, внимательная Зина, чуткий Игорь и, конечно, Ася — та, что умеет видеть в людях не только ошибки, но и возможность всё исправить. А главный инспектор порядка — кот Барсик: он не раскрывает улики, зато безошибочно чувствует, когда кому-то нужна поддержка. Каждая глава — отдельный случай, но все они складываются в одну большую.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы.	5
Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Глава 7.	18
Глава 8.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Елена К.
Сумка, скандал и один
очень странный свидетель.**

Все Главы.

Глава1.

Утро началось с того, что Пуфик уронил на меня цветочный горшок. Прямо на голову. Ну, не совсем на голову — на плечо, но эффект был тот же: я подскочила, как будто меня током дёрнуло, и чуть не свалилась с кровати.

— Пуфик, ты что творишь?! — крикнула я, отряхивая с пледа землю и осколки. Кот посмотрел на меня с видом «а я тут причём», развернулся и пошёл к миске. Будто это я сама взяла и разбила горшок, а теперь на него ору.

В этот момент зазвонил телефон. Мама. Ровно в семь утра. Как по расписанию. — Ты ела? — спросила она, не дожидаясь «алло». — Мам, я только глаза открыла! — простила я. — И на меня только что горшок упал! — Значит, не ела, — сделала вывод мама. — Сделай яичницу. И не забудь витамины. Я вздохнула. С мамой спорить — всё равно что пытаться уговорить Пуфика не скидывать всё с полок. Бесполезно. — Ладно, мам, сделаю. Всё, мне надо собираться. — И шарф надень, — добавила она. — В прогнозе дождь. — В прогнозе плюс двадцать! — Это в твоём прогнозе. А у меня свой. И она повесила трубку.

Я поплелась на кухню, по дороге наступив на что-то мягкое. Это оказался носок. Второй носок я нашла в холодильнике. Почему он там — вопрос философский. Видимо, Пуфик решил, что это тайник.

Кофе не хотел наливался, ложка упала, хлеб оказался чёрствым, а масло — таким твёрдым, что его можно было использовать как пресс-папье. Я уже мысленно готовилась к тому, что день будет из тех, когда лучше вообще не выходить из дома. Но нельзя: у меня сегодня три урока, и если я опоздаю, родители учеников будут смотреть на меня так, будто я не репетитор по музыке, а человек, который украл их счастье.

Сумка стояла у двери — моя любимая, коричневая, с кучей кармашков. В ней всё было разложено по полочкам: паспорт в одном отделении, ключи в другом, наушники в третьем, а в маленьком потайном кармашке — чек из аптеки и три записки «не забыть». Я схватила её, накинула куртку и выскочила в подъезд.

И только на лестнице поняла: что-то не так. Ручка была... другая. Не та. У моей сумки ручка была мягкая, стёганая, а эта — жёсткая, из какой-то скользкой кожи. Я остановилась, поставила сумку на ступеньку и расстегнула молнию.

Внутри лежал чужой кошелек. Чёрный, лакированный, явно мужской. Я осторожно открыла его — и увидела фотографию. На фото был мужчина лет сорока, в тёмном пальто, с таким лицом, будто он знает какой-то очень неприятный секрет. А рядом с кошельком лежала записка. От руки, корявым почерком: «Не верь ему».

У меня внутри всё похолодело. — Это не моя сумка, — сказала я вслух, как будто если скажу это громко, всё станет понятно. Но понятнее не становилось.

Тут из квартиры на первом этаже вылетела соседка снизу, Тамара Петровна. Она всегда выходила ровно в это время, всегда в пальто, даже летом, и всегда с таким видом, будто весь мир ей что-то должен. — Опять ты тут стоишь! — рявкнула она. — Мешаешь людям жить! То ключи у тебя теряются, то кот твой по батареям бежит, теперь вот сумку свою посреди лестницы бросила! — Я не бросила! — попыталась объяснить я. — Это вообще не моя сумка! — А чья? — не унималась Тамара Петровна. — Ты её что, в подъезде нашла? Или украла? — Да не украла я! — голос у меня уже дрожал. — Я просто взяла свою, а это... это подменили!

Из-за стеклянной двери консьержки выглянула тётя Валя. — Чего шумите? — строго спросила она. — Кеша нервничает. И тут из-за её плеча высунулся попугай Кеша и выдал своё коронное: — Он пришёл ночью. Он пришёл ночью.

Тамара Петровна тут же повернулась к консьержке: — Слышишь? Опять этот попугай чушь несёт! Может, его усыпить надо? — Не смей! — возмутилась тётя Валя. — Он у меня как

детектор лжи! — Какой ещё детектор?! — Тамара Петровна уже почти кричала. — Он только и умеет, что про ночь повторять! — Потому что он правду говорит! — не сдавалась тётя Валя.

Я стояла между ними и чувствовала, что сейчас либо заплачу, либо закричу. Вместо этого я снова заглянула в сумку. Там, кроме кошелька и записки, лежал ещё какой-то билет — старый, пожелтевший, на автобус. Маршрут был незнакомый, а дата — десятилетней давности.

Кеша снова наклонил голову и посмотрел на меня своими блестящими глазами. — Пицца, — вдруг сказал он.

В этот момент из лифта вышел курьер с коробкой. — Доставка, — буркнул он, глядя куда-то в сторону. — Кому пицца?

Я посмотрела на курьера, на сумку, на записку «Не верь ему», на Кешу, который теперь тихо бормотал что-то про пиццу, и поняла: если я сейчас не разберусь, что происходит, то точно сойду с ума. Или хотя бы опоздаю на урок, а это почти то же самое.

— Подождите, — сказала я курьеру. — Вы тут никого не видели? Ну, кто мог сумку подменить? Он пожал плечами. — Я только пиццу принёс. И вообще, мне некогда. Развернулся и пошёл к другой двери.

Тамара Петровна фыркнула. — Вот видишь, — сказала она. — Никто ничего не знает. А ты тут панику наводишь. — Я не навожу! — хотела возразить я, но тётя Валя меня перебила: — Дай-ка сюда сумку, — строго сказала она. — Я её у себя подержу. Мало ли что там. И прежде чем я успела что-то сказать, она выхватила сумку из моих рук и унесла к себе в будку.

— Эй! — крикнула я. — Там же мои вещи! — Какие вещи? — невозмутимо ответила тётя Валя. — В этой сумке чужих вещей больше, чем своих. Пусть полежит. А ты иди, работай. И не шуми тут.

Я осталась стоять посреди подъезда, без сумки, без паспорта, без ключей, зато с ощущением, что попала в какой-то странный фильм, где все говорят загадками, а главный секрет знает только попугай.

«Ну, думаю, — вздохнула я, — день только начался, а уже столько приключений. Интересно, что будет дальше?»

А Кеша, будто услышав мои мысли, снова наклонил голову и тихо сказал: — Он придёт ночью.

Глава 2.

Я стояла посреди подъезда и смотрела на свою дверь так, будто она меня предала. Замок сверкал, как издеваясь: «Ну давай, открой. У тебя же всё под рукой». А у меня не было ничего. Ни ключей, ни паспорта, ни даже той самой записки «не забыть», которая, честно говоря, напоминала мне вообще всё на свете.

В голове крутилось: «Позвонить маме? Нельзя. Она сразу скажет: Я же говорила про шарф, а потом начнёт плакать, что я осталась на улице, и вызовет МЧС. Позвонить ученику? Ещё хуже: он ждёт меня ровно в девять, и если я скажу: Прости, я не могу войти в квартиру, потому что у меня чужая сумка и свои ключи где-то испарились, он решит, что у репетитора поехала крыша».

Оставался один вариант — тётя Валя. Та самая, которая только что забрала сумку «на хранение» с видом начальника уголовного розыска.

Я поплелась к её будке. Внутри пахло чаем, валерьянкой и немного — попугаями. Тётя Валя сидела за столом, листала какой-то журнал, а Кеша важно расхаживал по полке. — Чего надо? — спросила тётя Валя, не поднимая глаз. — Я же сказала: пусть полежит. Мало ли что там. — Мне ключи нужны, — тихо сказала я. — Мои. Они в моей сумке. А эта... чужая. — А ты докажи, что она твоя, — упёрлась тётя Валя. — Мало ли кто тут ходит, сумки требует. Вдруг ты эту самую сумку и подбросила, чтобы следы замести. — Какие следы?! — чуть не взвыла я. — У меня урок через сорок минут! И кот дома один! И... и вообще! Тут Кеша наклонил голову, посмотрел на меня своими бусинками и выдал: — Пуфик голодный.

От неожиданности я даже перестала злиться. — Ты откуда знаешь? — пробормотала я. — Он у меня всё знает, — гордо сказала тётя Валя. — Он у нас как радар. Чувствует, когда в доме беда. — Беда, — согласилась я. — Самая настоящая. Пуфик, наверное, уже все шторы ободрал от голода.

Тётя Валя вздохнула, покопалась в сумке (той самой, чужой) и вытащила мой брелок — с маленьким деревянным пианино. Я чуть не заплакала от счастья. — Вот, — сказала она. — Держи. Но сумку пока не отдам. Пусть полежит. — Спасибо, — выдохнула я. — Огромное спасибо. — И не стой тут, — буркнула она. — Люди ходят.

С ключами в руке я наконец-то открыла дверь. Пуфик встретил меня у порога с таким видом, будто я отсутствовала три дня, а не пятнадцать минут. Он тёрся об ноги, мяукал и явно намекал, что его страдания никто не ценит. — Прости, прости, — бормотала я, насыпая корм. — Сейчас всё будет. Пока Пуфик хрустел, я села на табуретку и попыталась собрать мысли в кучу. Сумка подменена. В чужой — кошелёк, фото, записка «Не верь ему», старый автобусный билет. И никто ничего не знает. Или делают вид, что не знают.

Тут взгляд упал на телефон — он тихо вибрировал. Пришло сообщение от соседки сверху, Светки: «Ты сумку не находила? Коричневую, с кармашками. Я сегодня выходила — а её нет!»

У меня внутри всё похолодело. Значит, это не я схватила чужую. Это Светка взяла мою. А я — её. По ошибке. Впопыхах. В этом проклятом узком коридоре, где все вечно сталкиваются локтями.

Я тут же набрала её. — Свет, ты мою сумку случайно не брала? — Лид, ты что, издеваешься? — ответила она. — Я как раз пишу, что свою не могу найти! — Так... — я запнулась. — А я твою нашла. Ну, то есть не нашла, а взяла. По ошибке. Она у консьержки. — У какой консьержки?! — взвизгнула Светка. — Там же мой паспорт! И деньги! — Спокойно! — попыталась я её утихомирить. — Всё на месте. Тётя Валя её забрала, но ключи мне отдала. — Забрала?! Да она что, музей открыла?! — Свет, давай без паники. Сейчас я всё заберу и тебе

принесу. — Принесёшь?! — голос у неё дрожал. — Да я сейчас сама спущусь и всё заберу! И она бросила трубку.

Я посмотрела на Пуфика. Он доел и теперь сидел, вылизывался, будто ничего не происходило. — Ну вот, — сказала я ему. — Теперь у нас ещё и скандал с соседкой. Он фыркнул, будто хотел сказать: «А я предупреждал про горшок».

Пришлось снова спускаться. Светка уже стояла у будки, красная, злая, с таким видом, будто готова была устроить революцию прямо в подъезде. — Где моя сумка?! — крикнула она, едва увидев меня. — Тётя Валя, отдайте, пожалуйста, — попросила я как можно спокойнее. — Это сумка Светы. Она её искала. Тётя Валя посмотрела на нас обеих, потом на Кешу, будто спрашивая у него совета. — Ладно, — наконец сказала она. — Только пусть распишется, что получила. — Распишусь! — рявкнула Светка. — Хоть кровью!

Пока она судорожно проверяла содержимое, я стояла рядом и пыталась не мешать. И тут она замерла. — Это что? — прошептала она, вытаскивая из бокового кармана тот самый кошелёк. — Это не моё. — Я знаю, — тихо сказала я. — Я его сразу увидела. И записку. И билет. Светка вытаращилась на меня. — Ты что, копалась в моей сумке?! — Не копалась! — поспешно сказала я. — Просто открыла, чтобы понять, что не моя. — Но зачем ты её вообще взяла?! — По ошибке! — я уже почти шептала, чтобы не разбудить весь подъезд. — Я торопилась. Увидела коричневую сумку — и схватила.

Светка медленно закрыла сумку, села прямо на подоконник и закрыла лицо руками. — В этой сумке был мой паспорт, — глухо сказала она. — И деньги. И... и ещё кое-что. — Что? — осторожно спросила я. Она подняла глаза. — Письмо. От одного человека. Очень важное. А теперь там чужой кошелёк и записка. Ты думаешь, это просто ошибка?

Я вспомнила слова Кеши: «Он пришёл ночью». И тот странный взгляд курьера. И то, как Тамара Петровна подозрительно косилась на всех подряд. — Не знаю, — честно сказала я. — Но мне кажется, что кто-то очень хотел, чтобы ты не вышла сегодня из дома. Или чтобы ты что-то не нашла. Или... не знаю.

Светка посмотрела на меня, потом на сумку, потом снова на меня. — Знаешь, — сказала она тихо, — я ведь собиралась сегодня кое-куда поехать. По этому автобусному маршруту. Тому, что на билете. У меня мурашки побежали по спине. — Откуда ты знаешь про билет? — прошептала я. — Потому что я его видела раньше, — ответила она. — В старых бумагах мамы. И я хотела выяснить, куда он ведёт.

Мы сидели на подоконнике, две растерянные женщины, и понимали: простая путаница с сумками вдруг перестала быть простой. — Надо выяснить, кто это подменил, — сказала Светка, выпрямляясь. — И зачем. — И с чего начать? — спросила я. — С консьержки, — твёрдо сказала она. — Она тут всё видит. Даже если делает вид, что нет. И мы обе посмотрели на будку, где за стеклом тётя Валя наливала чай, а Кеша тихо бормотал: — Он пришёл ночью.

Глава 3.

Я уже собиралась снова бежать наверх — хоть пять минут посидеть, отдышаться и придумать, как вообще объяснить ученику, что я опоздаю на полчаса, — как в подъезд вошёл участковый Игорь Сергеевич. Не какой-то там суровый опер из сериалов, а обычный: в форме, но с чуть расстёгнутым воротом, с папкой под мышкой и с таким лицом, будто он уже знает, что сейчас будет скандал, и заранее от него устал.

— Тётя Валя, — вздохнул он, подходя к будке, — ну сколько можно? Опять жалоба на кота? — Да не на кота! — тут же встряла Тамара Петровна, которая как раз проходила мимо и, конечно, всё слышала. — Тут сумки воруют, а она чай пьёт! — Кто ворует? — Игорь Сергеевич даже папку опустил. — Что случилось? И тут из угла, где мы со Светкой сидели на подоконнике, раздался голос Кеши: — Он пришёл ночью. Он пришёл ночью.

Участковый медленно перевёл взгляд с попугая на нас. — Это он про меня? — уточнил он. — Не-а, — буркнула тётя Валя. — Он это с утра бубнит. У него репертуар ограниченный.

Светка выпрямилась, будто перед начальством. — У меня сумку подменили, — выпалила она. — В ней теперь чужой кошелёк, записка и старый билет. А я как раз собиралась по этому маршруту ехать. Игорь Сергеевич помолчал. Потом посмотрел на Светку. Потом на меня. Потом снова на тётю Валю. — То есть вы хотите сказать, — очень спокойно, даже слишком спокойно, произнёс он, — что кто-то специально подменил сумку, чтобы вы не поехали по автобусному маршруту? — Ну... — Светка замялась. — Да. Или чтобы я что-то нашла. Или не нашла. Я не знаю!

Я решила, что надо добавить хоть немного здравого смысла. — Понимаете, — сказала я, стараясь говорить не слишком быстро, — мы со Светкой обе торопились. В коридоре тесно. Наверное, я схватила её сумку, а она — мою. По ошибке. Но вот этот кошелёк и записка... они точно не её. И билет — он как будто из старого маминого архива. — Ага, — кивнул Игорь Сергеевич, но по глазам было видно, что он думает: «Ну приехали. Опять эти женщины с историями». — И где сейчас эта сумка? — Здесь, — гордо сказала тётя Валя и постучала по ящику рядом с собой. — Я её закрыла. На всякий случай. — На какой случай? — устало спросил участковый. — Мало ли что. Вдруг там бомба. Или наркотики. Кеша тут же встрепенулся: — Пицца!

Игорь Сергеевич прикрыл глаза, будто считал до десяти. — Бомбы нет, — сказала я. — Там кошелёк. И фото мужчины в тёмном пальто. Он наконец открыл глаза. — Фото есть? — Есть, — кивнула Светка и вытащила его из сумки. — Вот. Участковый взял фото, посмотрел, хмыкнул. — Знакомое лицо, — пробормотал он. — Или просто все мужчины в тёмных пальто на одно лицо. Ладно. Давайте по порядку. Кто когда видел сумку последний раз? Кто входил в подъезд? Есть камеры?

Тут Тамара Петровна снова вошла: — А я видела! Вчера вечером. Мужчина в тёмном пальто стоял у почтовых ящиков. Долго стоял. Что-то доставал. У меня внутри всё ёкнуло. — В тёмном пальто? — переспросила я. — Точно? — Точно! — отрезала она. — Ещё и оглядывался. Подозрительно. Игорь Сергеевич записал что-то в блокнот. — Хорошо. Проверим камеры. Если там помехи — тоже запись. Если там пусто — тоже запись. У нас всё должно быть зафиксировано.

Светка вдруг наклонилась ко мне и прошептала: — Слушай, а если это он... тот, из письма. Тот, кого мама когда-то знала. Я жала её руку. — Мы выясним, — тихо сказала я.

А участковый тем временем повернулся к тёте Вале: — Ключ от тех ящиков у вас есть? От почтовых? — Конечно, — важно кивнула она. — У меня всё есть. Я тут двадцать лет сижу. Я тут всё вижу. — Вот и хорошо, — сказал Игорь Сергеевич. — Тогда сейчас поднимемся, посмотрим ящики, потом камеры. И без самостоятельности, пожалуйста. Никаких самостоя-

тельных расследований. — Но мы же просто... — начала Светка. — Никаких, — твёрдо повторил он. — Если это действительно чья-то злая шутка — разберёмся. Если нет — тем более.

И тут Кеша снова наклонил голову, посмотрел прямо на участкового и тихо, почти шёпотом, сказал: — Он пришёл ночью.

Игорь Сергеевич замер. Потом медленно повернулся к попугаю. — Ты это... — начал он. — Ты это серьёзно? Тётя Валя расплылась в улыбке. — Я же говорю, он у нас как детектор. — Детектор, — пробормотал участковый. — Ладно. Сначала ящики. Потом камеры. Потом... потом посмотрим, кто тут у нас детектор, а кто — свидетель.

Мы со Светкой переглянулись. В глазах у неё уже не было паники — только азарт. — Пошли, — шепнула она. — Кажется, у нас теперь есть официальный помощник. — Кажется, да, — улыбнулась я. — Хоть и очень скептический.

Глава 4.

Мы шли по коридору — тётя Валя впереди, шурша ключами, как будто это был какой-то особый ритуал. За ней — Игорь Сергеевич, с видом человека, который делает одолжение, но всё-таки делает. Светка чуть ли не наступала ему на пятки, а я замыкала шествие и пыталась унять дрожь в пальцах. Казалось, если сейчас окажется, что мы просто зря подняли шум, я сгорю от стыда.

— Вот этот, — ткнула тётя Валя в ящик с облупившейся цифрой «14». — Он у Светки. — А почему он... — начала Светка и осеклась. Замок висел на месте, но язычок был помят, будто кто-то пытался его отогнуть, а потом кое-как прикрыл. — Вскрывали, — коротко сказал Игорь Сергеевич и достал из папки прозрачный пакетик. — Не трогайте. Сейчас зафиксируем. Тётя Валя тут же отдернула руку, будто ящик вдруг стал горячим. — Да я и не трогала! Я только открыть хотела! — Спокойно, — снова вздохнул участковый. — Просто не трогайте. Он аккуратно приподнял язычок, заглянул внутрь. Потом достал ручку, подцепил что-то и вытащил конверт. Конверт был обычный, желтоватый, такой, какие лежат в любом канцелярском магазине. И самое странное — на нём не было ни адреса, ни марки, ни даже имени. Пустой.

Игорь Сергеевич посмотрел на нас. — Внутри что-то есть, — сказал он. — Но вскрывать буду не здесь. — Подождите! — не выдержала Светка. — Можно просто... посмотреть? Участковый помолчал, потом кивнул: — Только я. И в перчатке. Он надорвал край, вытряхнул содержимое на ладонь. Это был листок, сложенный вчетверо. И когда Игорь Сергеевич его развернул, у меня внутри всё оборвалось. На листке от руки, тем же корявым почерком, что и на записке в сумке, было написано: «Не верь ему».

Светка тихо охнула и схватилась за стену. — Это... это то же самое, — прошептала она. — Та же фраза. — Совпадение? — спросил Игорь Сергеевич, но по его лицу было видно, что он сам в это не верит. — Не может быть, — покачала головой Светка. — Я ведь собиралась ехать по этому автобусному маршруту. А теперь в моей сумке чужой кошелёк, а в ящике — эта записка. — И мужчина в тёмном пальто, — добавила я. — Тамара Петровна его видела у ящиков. Участковый медленно сложил листок обратно в пакетик, подписал что-то на уголке. — Ладно, — сказал он уже не так устало. — Теперь это не просто путаница с сумками.

Тут из-за угла вынырнула Тамара Петровна. — Ну что, поймали? — спросила она, вытягивая шею. — Или опять ничего? — Пока собираем факты, — сдержанно ответил Игорь Сергеевич. — Факты, — фыркнула она. — Да тут и без фактов всё ясно. Это курьер! Он вечно тут крутится. Или этот новый жилец сверху. Он вообще странный. — Спасибо, Тамара Петровна, — очень вежливо, но твёрдо сказал участковый. — Если вспомните ещё детали — приходите. А пока не мешайте. Она поджала губы, но всё-таки отошла.

Мы снова остались у ящиков. Светка смотрела на пустой конверт так, будто хотела силой мысли прочитать, кто его положил. — Что теперь? — тихо спросила она. — Теперь — камеры, — сказал Игорь Сергеевич. — И список всех, кто имел доступ к ключам от ящиков. Тётя Валя, вы ведь не единственный человек, у кого они есть? — Ну... — замялась тётя Валя. — Был запасной у старшей по дому. Но она в прошлом месяце уехала к дочери. А ещё... один раз я ключи дворнику давала, чтобы он объявление повесил. — Дворнику, — повторил участковый и снова что-то записал.

И тут из подъезда донеслось знакомое: — Он пришёл ночью. Он пришёл ночью. Мы все разом повернулись к выходу. В будке виднелся Кеша — он раскачивался на жёрдочке и смотрел на нас с таким видом, будто знал больше, чем говорил. — Слушай, — вдруг сказала тётя Валя, — а ведь вчера ночью я его будила. Он шумел. И как раз в тот момент, когда я подошла к клетке, в подъезде хлопнула дверь. Я ещё подумала: кому это в два часа ночи ходить? У Игоря

Сергеевича брови поползли вверх. — Два часа ночи? — переспросил он. — Ну да, — кивнула тётя Валя. — Я выглянула — никого. Только тень мелькнула у лестницы.

Светка посмотрела на меня, и я увидела в её глазах не страх, а решимость. — Значит, он был здесь, — сказала она. — Тот мужчина. Он положил записку. И подменил сумку. Но зачем? — Чтобы ты не поехала, — тихо сказала я. — Или чтобы ты поехала, но не нашла чего-то. Или... чтобы кто-то другой нашёл. Игорь Сергеевич убрал папку и посмотрел на нас уже не как на женщин с нелепой историей, а как на свидетелей. — Так, — сказал он. — Сейчас идём смотреть камеры. Потом я возьму у вас обоих подробные объяснения. И, пожалуйста, никуда не лезьте. Если это чья-то злая шутка — мы это остановим. Если нет — тем более.

Мы кивнули. Даже тётя Валя кивнула, хотя и пробормотала: — А я бы на его месте сначала Кешу допросила. Он всё видел. Попугай в ответ наклонил голову и сказал: — Пицца.

Игорь Сергеевич только головой покачал, но в глазах у него мелькнуло что-то похожее на улыбку. — Пошли, — сказал он. — Посмотрим, что там на камерах.

Глава 5.

Комната охраны пахла кофе, пылью и старой техникой — будто сюда годами не проветривали. На столе мигали лампочки, а на трёх мониторах бежали чёрнобелые кадры: вход в подъезд, двор, лестница. Охранник, дядька лет пятидесяти с усталыми глазами, поправил наушники и вздохнул: — Ну, вот. Сейчас будет самое интересное. Или самое скучное.

Игорь Сергеевич наклонился к экрану. — Ставь на ускоренную перемотку, но смотри на время — нам нужно ровно то, когда Лида выходила. Охранник кивнул, щёлкнул мышкой. На экране замелькали тени, люди входили и выходили, курьер мелькнул с коробкой, Тамара Петровна вынырнула в пальто, будто на парад. — Стоп, — вдруг сказала Светка. — Вот тут. Это я выхожу. На кадре она торопливо шагала к двери, сумка висела на плече, взгляд был в телефон. А следом — Лида, чуть медленнее, с видом человека, который мысленно повторяет список дел. — Дальше, — скомандовал Игорь Сергеевич. Дядька снова щёлкнул, ускорил. И ровно в тот момент, когда Лида должна была схватить чужую сумку, экран на одном мониторе пошёл рябью, потом почернел. — Помехи, — пробормотал охранник. — Такое бывает. То ли кабель, то ли кто-то балуется. — Удобно, — сухо сказал Игорь Сергеевич. — Очень вовремя. Светка сжала кулаки. — То есть мы ничего не увидим? — Не на этом, — спокойно ответил участковый. — Но у нас есть соседняя камера. Двор. Там может быть выход. Охранник хмыкнул, щёлкнул на другой монитор. И тут картинка пошла нормальная: серый двор, лужи, урна, угол дома. И вдруг — тень. Фигура в тёмном пальто, которая быстро шла к арке, не оглядываясь. — Стой! — Игорь Сергеевич даже подался вперёд. — Назад. Чуть-чуть. Кадр откатился. Силуэт мелькнул снова. Высокий, плечи широкие, пальто длинное, воротник поднят. И самое главное — он точно знал, куда идёт. Не плутал, не озибался, будто этот маршрут у него был выучен. — Вот он, — прошептала Лида. — Тот самый. С фото. Игорь Сергеевич молча смотрел на экран, будто пытался запомнить каждую деталь. Потом медленно кивнул. — Район я знаю, — тихо сказал он. — Эта арка выходит на старую промзону. Там полузаброшенные склады, пара автосервисов, и один подъезд, где любят прятать всякое. Я там пару раз выезжал по вызовам. Если он оттуда — я знаю, где искать. У Светки глаза стали огромными. — Вы поедете туда? Сейчас? — Сейчас — нет, — твёрдо сказал Игорь Сергеевич. — Сначала оформлю всё как надо. А потом — да. Лида вдруг вспомнила про Кешу и не удержалась: — А если... ну... попугай прав? Если он и правда пришёл ночью? Может, это он тогда хлопнул дверь? Участковый чуть улыбнулся — впервые за всё время. — Попугай у вас молодец. Но у меня есть коечто получше: адрес. И привычка проверять каждый угол.

Тут охранник, который всё это время молча наблюдал, вдруг наклонился и ткнул пальцем в экран: — Смотрите. У него что-то выпало. Все наклонились. В кадре, у самой арки, мелькнуло что-то тёмное, круглое. Фигура не остановилась, не обернулась — просто пошла дальше. — Что это? — выдохнула Светка. — Похоже на пуговицу, — сказал Игорь Сергеевич. — Или брелок. Неважно. Это уже след. Он достал тот самый пакетик, куда раньше клал записку, и кивнул охраннику: — Распечатайте мне этот кадр. Крупно. И тот, где помехи. Всё нужно зафиксировать.

Пока охранник возился с принтером, Лида тихо сказала Светке: — Знаешь, я ведь сегодня вообще не хотела никуда выходить. Хотела сидеть дома, печь пирог и слушать, как Пуфик шуршит пакетом. — А теперь мы смотрим на мужика в пальто и ждём, когда распечатают улику, — так же тихо ответила Светка и вдруг хихикнула, будто от нервов. — Жизнь, да? Лида улыбнулась в ответ. — Зато не скучно.

Игорь Сергеевич забрал распечатку, ещё раз посмотрел на кадр, потом на женщин. — Так, — сказал он уже не как уставший участковый, а как человек, который взял след. — Сейчас я еду в отдел, оформляю материалы. А вы — домой. Без самостоятельности. Если этот человек

опасен, мне не нужно, чтобы вы путались у него на пути. — Но... — начала Светка. — Никаких «но», — мягко, но твёрдо оборвал он. — Вы уже сделали главное — заметили. Дальше моя работа. И, будто в подтверждение, из подъезда снова донеслось: — Он пришёл ночью. Он пришёл ночью. Все трое замерли, потом одновременно посмотрели на дверь. — Ладно, — вздохнул Игорь Сергеевич, пряча распечатки в папку. — Пусть Кеша будет нашим неофициальным свидетелем.

Глава 6.

— Он там всё оформляет, — тихо шипела Светка, меряя шагами Лидину кухню. — А мы тут сидим, как две клуши, и ждём! Пуфик смотрел на неё с подоконника, будто осуждал за повышенный тон. — Он же просил без самодеятельности, — слабо сопротивлялась Лида, но сама уже застёгивала куртку. — И вообще, мы просто посмотрим. Издали. — Издали! — подхватила Светка. — Просто пройдем мимо арки. Если там ничего — сразу назад. Лида вздохнула. Спорить со Светкой, когда у той в глазах азарт, было всё равно что уговаривать Пуфика не скидывать со стола всё подряд: бесполезно.

На улице пахло мокрым асфальтом и осенью. Они шли быстро, почти бегом, будто боялись, что, если замедлятся — совесть догонит и заставит вернуться. Арка оказалась именно такой, как на записи: старая, кирпичная, с облупившейся краской и узкой щелью прохода, который выводил на пустынную улицу с гаражами и полузаброшенными складами.

— Тут жутко, — прошептала Лида, оглядываясь. — Как в фильме, где обязательно кто-то выпрыгивает из-за угла. — Не выпрыгнет, — так же шёпотом ответила Светка. — Тут вообще никого нет. Только мусор. И правда: у самой арки стояла покосившаяся урна, набитая скомканными бумажками, пустыми стаканчиками и прочей городской мелочью.

Светка подошла ближе, наклонилась, покопалась пальцем среди мусора — аккуратно, стараясь не трогать лишнее. — Смотри, — вдруг сказала она и вытащила что-то маленькое, пластиковое. — Проездной. Старый. Ещё бумажный, не карта. Лида взяла его, повертела. На проездном была печать — почти стёршаяся, но ещё читаемая: «Автобусный парк 3». А сбоку — ручкой выведено: «До конечной». — Это ведь тот самый маршрут, — тихо сказала Светка. — Тот, что на билете в сумке. У Лиды мурашки побежали по спине. — Значит, он точно ехал туда, — прошептала она. — Или хотел, чтобы ты туда не ездила. — Или чтобы кто-то другой туда съездил, — добавила Светка, и в её голосе уже не было азарта, только холодная догадка.

Тут из-за гаражей выскочил рыжий кот, шлёпнулся в лужу и метнулся прочь. Лида вздрогнула и чуть не выронила проездной. — Всё, — решительно сказала она. — Мы нашли улику. Теперь надо отдать её Игорю Сергеевичу. И больше никаких расследований. — Ладно, ладно, — кивнула Светка, но глаза у неё всё ещё горели. — Но хотя бы дойдём до конца улицы. Там ещё один проход. Вдруг... — Никаких «вдруг»! — Лида схватила её за рукав. — Мы и так уже нарушили все его правила. Если он узнает, что мы тут ходили, он нас арестует просто за вредность. Светка фыркнула, но всё-таки пошла рядом.

Они уже почти вышли из арки обратно во двор, как Лида вдруг остановилась. В щели между кирпичами что-то белело — тонкий уголок бумаги, будто кто-то торопливо сунул записку и не успел спрятать до конца. Лида осторожно потянула. Бумага была сложена вчетверо, старая, чуть пожелтевшая. Она развернула её дрожащими пальцами. Внутри было всего несколько слов, написанных тем же корявым почерком: «Не верь ему. Вокзал. 14:00».

У обеих женщин одновременно перехватило дыхание. — Вокзал, — повторила Светка. — Сегодня. В два часа. — Сегодня уже половина второго, — охнула Лида. — То есть... он там сейчас? Или уже был? Светка смотрела на записку так, будто хотела силой мысли заставить её рассказать больше. — Надо звонить Игорю Сергеевичу, — твёрдо сказала Лида. — Прямо сейчас. — А если мы опоздаем? — прошептала Светка. — Если он уйдёт? — Если ты пойдёшь туда одна — ты точно опоздаешь, потому что он тебя схватит, — отрезала Лида. — Мы звоним. И ждём. Она достала телефон, набрала номер участкового. Гудки шли долго, бесконечно долго. — Алло, — наконец раздался голос Игоря Сергеевича, усталый, но собранный. — Лида? Вы что-то вспомнили? — Мы... мы не совсем вспомнили, — замялась Лида. — Мы... съездили к арке. На том конце провода повисла такая тишина, что Лида почти услышала, как он закрывает

глаза и считает до десяти. — Вы сделали что? — очень спокойно спросил он. — Мы нашли проездной, — выпалила Светка, выхватывая телефон. — И записку. В стене. Там написано: «Вокзал. 14:00». Ещё одна пауза. Потом тяжёлый вздох. — Стойте там, где стоите, — сказал Игорь Сергеевич уже другим голосом — голосом человека, который перешёл от «ну вот опять» к «дело серьёзное». — Ни шагу дальше. Я сейчас подъеду. И, ради всего святого, не пытайтесь никого там ловить. — Хорошо, — хором сказали они.

Он повесил трубку. Подруги стояли у арки, сжимали в руках улики и чувствовали, как адреналин потихоньку сменяется страхом. Теперь это была не просто путаница с сумками и записка от попугая. Теперь кто-то кого-то ждал на вокзале. И, кажется, ждал именно Светку.

И тут, будто чтобы совсем добить нервы, из кармана Лиды донеслось тихое «мяу». Пуфик, которого она зачем-то сунула в сумку перед выходом (чтобы «не скучал»), высунул голову и обиженно посмотрел на мир. — Ну вот, — сказала Лида, прижимая сумку к себе. — Хоть кто-то тут ведёт себя нормально. — Ага, — нервно хихикнула Светка. — Только не дай ему опять что-нибудь скинуть. Нам новых улик не надо.

Глава 7.

Светка так крепко сжимала записку, что пальцы побелели. Лида боялась даже дышать — будто от любого резкого движения эта тонкая бумага рассыплется в пыль.

И тут из сумки донеслось недовольное «мяу», а потом — царап. Тихий, но очень характерный: Пуфик всегда так делал, когда ему становилось тесно и скучно. — Пуфик, ну хватит, — машинально пробормотала Лида, приоткрывая молнию. Кот высунул голову, фыркнул, будто хотел сказать: «А что, мне тут сидеть и молчать?», и снова царапнул — прямо по уголку записки, который Лида держала в пальцах.

И вдруг на бумаге, там, где уголок чуть отогнулся, проступила ещё одна строчка. Бледная, почти стёршаяся, будто её пытались соскоблить или специально писали едва заметным карандашом. Буквы были мелкие, неровные: «...он знает про письмо».

У Лиды внутри всё будто оборвалось. — Свет... — прошептала она. — Ты видишь? Светка наклонилась, вгляделась. И вдруг побледнела так, что даже веснушки на её щеках стали незаметны. — Про мамино письмо, — тихо сказала она. — Он знает. Тот, кто всё это устроил... он знает, что я нашла письмо. Лида сжала её руку. Пальцы были ледяные. — Значит, это не случайность, — медленно произнесла Лида. — Кто-то следил за тобой. Или за квартирой. Или... я не знаю. Но он знал, что ты собираешься ехать. Знал, что ты нашла билет. Знал про письмо. — И подменил сумку, чтобы я не поехала, — закончила Светка. — Или чтобы я поехала, но уже по его сценарию.

Тут Лида вдруг вспомнила про фото из чужого кошелька — мужчина в тёмном пальто, который смотрел так, будто знает какой-то очень неприятный секрет. — Слушай, — сказала она, доставая телефон. — Давай я сейчас скину Игорю Сергеевичу фото этой строчки. Пусть он видит, что это уже не просто «путаница». Пусть понимает: тут кто-то целенаправленно давит на тебя. Светка кивнула, но тут же снова посмотрела на записку. — А если мы его спугнём? — прошептала она. — Если он поймёт, что мы всё нашли... — Лучше пусть он нас боится, чем мы его, — твёрдо сказала Лида. — Мы не одни. У нас есть участковый. И... и даже Кеша, если на то пошло. Она быстро сфотографировала записку — так, чтобы было видно и новую строчку, и старую фразу, и помятый уголок. Отправила сообщение Игорю Сергеевичу с коротким текстом: «Нашли ещё одну строчку. Он знает про письмо. Мы у арки, ждём».

В ту же секунду телефон тихо звякнул — пришло уведомление. Светка вздрогнула. — Не смотри, — тут же сказала Лида. — Это наверняка не он. Это, может, мама. Или реклама. Но Светка уже схватила телефон. На экране висело сообщение от неизвестного номера. Всего одно слово: «Брось». — Что? — не поняла Лида. — «Брось», — глухо повторила Светка. — Просто «брось». Ни имени, ни подписи. Лида почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. — Не делай этого, — быстро сказала она. — Не бросай. Мы уже всё отправили. Теперь это улика. Светка судорожно сжала телефон, потом сунула его в карман, будто он вдруг стал горячим. — Я не брошу, — прошептала она. — Просто... мне страшно. По-настоящему страшно. Лида обняла её за плечи — крепко, по-дружески, так, чтобы чувствовалось: ты не одна. — Мне тоже, — честно призналась она. — Но знаешь, что самое странное? Этот мужчина думал, что сможет нас запутать. Думал, что подменит сумку, оставит записки, и мы просто махнём рукой: «Ой, какая ерунда». А мы не махнули. Мы пошли искать. Светка слабо улыбнулась — совсем не весело, но как-то по-человечески, будто ей стало чуть легче просто от того, что рядом кто-то есть. — Спасибо, что не дала мне поехать одной, — тихо сказала она. — Ещё чего, — буркнула Лида. — Одна ты бы точно полезла прямо к нему в лапы. А вдвоём мы хотя бы сначала подумаем. Пуфик, который всё это время выглядывал из сумки, вдруг мяукнул так требовательно, что обе невольно вздрогнули. — Да-да, ты тоже молодец,

— сказала ему Лида. — Если бы не твой коготок, мы бы эту строчку вообще не увидели. Кот фыркнул и снова спрятался.

Тут из-за угла показалась знакомая фигура — Игорь Сергеевич. Он шёл быстро, не по участковому торопливо, и лицо у него было такое, будто он уже не сомневался: это не бытовая история, а что-то серьёзное. — Стоите? — выдохнул он, подходя. — Никуда не ушли? — Стоим, — кивнула Лида. — И ещё кое-что нашли. Она протянула ему записку — аккуратно, через край, чтобы не стереть ни буквы. Игорь Сергеевич посмотрел на строчку «...он знает про письмо», потом на девушек, потом снова на записку. И кивнул — коротко, по-деловому. — Теперь понятно, — тихо сказал он. — Это не случайность. Это адресная угроза. Он достал ещё один прозрачный пакетик, аккуратно убрал туда записку. Потом посмотрел на Светку. — Вы сейчас поедете со мной, — спокойно, но твёрдо сказал он. — Не на вокзал. В отдел. Напишите заявление, всё подробно расскажете. А я займусь этим вокзалом. И этим человеком. — Но... — начала Светка. — Никаких «но», — мягко, но непреклонно оборвал он. — Вы нашли улики. Вы молодцы. Но дальше — моя работа. И я не хочу, чтобы вы оказались там, где вас ждут. Лида взяла Светку за руку. — Он прав, — тихо сказала она. — Пусть он идёт туда. А мы будем знать, что с тобой всё в порядке. Светка посмотрела на неё, потом на Игоря Сергеевича, потом на арку, за которой пряталась вся эта странная, пугающая история. И наконец кивнула. — Ладно, — прошептала она. — Только... можно я сначала маме позвоню? Просто чтобы она не волновалась. — Конечно, — кивнул Игорь Сергеевич. — Прямо сейчас. А потом — в машину.

Пока Светка тихо говорила с мамой, Лида стояла рядом и чувствовала, как понемногу уходит этот липкий страх. Не весь, конечно. Но стало понятно: они не одни, и кто-то теперь действительно за них отвечает.

А где-то далеко, в тёплом подъезде, Кеша, наверное, снова бормотал своё вечное: «Он пришёл ночью». Только теперь эти слова уже не казались смешной причудой попугая. Они были частью настоящей загадки. И, кажется, скоро у неё появится разгадка.

Глава 8.

Вокзал гудел, как растревоженный улей: объявления срывались друг за другом, пассажиры тащили тяжёлые сумки, носильщики покрикивали, а у табло толпились люди, будто надеялись, что, если стоять поближе, поезд приедет быстрее. Игорь Сергеевич шёл сквозь эту суету, не теряя ни секунды, — он знал, что на таких местах время работает против тебя.

Он остановился у колонны, где, по записке, должна была быть встреча, и медленно огляделся. И почти сразу заметил его — мужчину в тёмном пальто. Тот стоял чуть в стороне, у старого расписания, и смотрел не на табло, а на вход, будто ждал кого-то. Пальто было то самое — длинное, с поднятым воротником, и даже осанка — напряжённая, выжидающая.

Игорь Сергеевич подошёл спокойно, без резких движений, но так, чтобы тот его точно заметил. — Вы здесь кого-то ждёте? — спросил он, останавливаясь в паре шагов. Мужчина вздрогнул, резко обернулся, и на секунду в его глазах мелькнул тот самый страх, который бывает, когда понимаешь: тебя уже вычислили. — Я... просто смотрю расписание, — пробормотал он, но голос дрогнул. — Расписание висит вон там, — спокойно сказал Игорь Сергеевич, кивая в другую сторону. — А вы стоите тут, будто ждёте сигнала. Мужчина сглотнул, опустил плечи, будто из него выпустили воздух. — Ладно, — выдохнул он. — Да, я ждал. Но не чтобы навредить. Чтобы... остановить.

— Остановить кого? — уточнил Игорь Сергеевич. — Светку? Тот вскинул глаза. — Откуда вы... — начал он и тут же оборвал себя. — Да. Её. Она ведь дочь Нины. Нины Павловны.

Игорь Сергеевич чуть приподнял бровь. — Рассказывайте, — коротко сказал он. — И лучше с самого начала. Мужчина снова огляделся, будто боялся, что стены вокзала подслушивают, и тихо, почти шёпотом, заговорил: — Мы с Ниной работали вместе. Давно. На старом автовокзале. Там тогда крутились такие деньги, что сейчас и не вспомнишь. А потом всё посыпалось. Кто-то слил документы, кто-то исчез, а Нина... она нашла что-то. Письмо. Или записку. Я уже не помню точно. Но она мне сказала: «Если со мной что-то случится — не ищи. Просто забудь». Он помолчал, теребя пуговицу на пальто. — А теперь её дочь нашла это письмо. И билет. И поехала по тому самому маршруту. Туда, где всё начиналось. Я хотел её перехватить. Хотел сказать: не лезь. Там до сих пор есть люди, которым невыгодно, чтобы правда всплыла. — И для этого вы подменили сумку? — жёстко спросил Игорь Сергеевич. Мужчина опустил голову. — Да. Глупо, понимаю. Но я не знал, как ещё её остановить. Думал, если она потеряет время, если запутается, то просто забудет про поездку. А эти записки... я писал их, чтобы она насторожилась. Чтобы поняла: тут опасно. — «Не верь ему», — тихо повторил Игорь Сергеевич. — Кому? — Себе, — горько усмехнулся мужчина. — Или тому, кто будет её уговаривать. Я ведь сам когда-то был частью этой истории. И теперь боюсь, что прошлое снова ударит по тем, кто ни в чём не виноват.

В это время в отделе Светка сидела на жёстком стуле, сжимала в руках стакан с остывшим чаем и пыталась унять дрожь. Лида не отходила от неё ни на шаг — то поправляла плед, то наливала ещё воды, то просто стояла рядом, будто своим присутствием могла защитить от всего на свете.

— Он ведь не хотел меня напугать, — вдруг тихо сказала Светка. — Он хотел... уберечь. Лида села рядом и осторожно обняла её за плечи. — Иногда взрослые делают странные вещи, когда боятся, — мягко сказала она. — Они думают, что так будет безопаснее. А получается только хуже. — Но зачем было так сложно? — прошептала Светка. — Почему просто не позвонить? — Потому что он не знал, кому можно верить, — ответила Лида. — И боялся, что если позвонит, то за ним тоже начнут следить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.